

Поклонимся великим тем годам

Вся наша жизнь в руках Божиих

2015 год будет юбилейным в истории нашего Отечества — 70 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Закончилась самая страшная кровопролитная война. Весь наш народ объединяло тогда святое чувство — вера в Победу! Победу объявили 9 мая 1945 года. наших ветеранов той войны остаётся всё меньше, но есть их дети, внуки и правнуки, которые несли портреты воевавших родных на нынешнем празднике, посвящённом Дню Победы.

Вот и мы с внучкой дома разбирали наш семейный архив, рассматривали пожелтевшие фотографии и читали письма — треугольники, которые писал с фронта мой дед Константин. Я рассказывала внучке о двух её прадедушках, которые прошли дорогами войны, один — до Берлина, другой дошел и до Монголии из-за войны с Японией.

Дед Константин родился на Украине в красивом городке Ичня, который расположился на берегу речки с нежным названием Иченька. В семье было девять детей. Отец деда держал артель, которая строила церкви и золотила купола. Семья жила дружно, все трудились, по выходным обязательно посещали церковь и глубоко почитали Господа. Маленький Костя даже воспитывался у тети-монахини, когда умерла мама. Но ... про-

неслась революция, сломавшая много жизней и судеб. Появилась новая идеология, далёкая от христианства и глубоко ему враждебная.

Один из старших братьев ушёл в Красную Армию, но через полгода вернулся домой с обморожениями конечностей и умер от ран. Сёстры умирали от туберкулёза в возрасте от 16 до 22 лет. Церкви в Ичне разоряли одну за другой. А от той, которую посещала семья деда, остался только притвор, в оставшейся части сделали склад и овощехранилище. Домашние иконы пришлось завернуть в полотно и спрятать глубоко в подпол. По городу гуляли банды, и народ был в растерянности. Мать деда заболела от горя и умерла. Из девяти детей остались только два брата: старший и Костик. В 16 лет его оправил в Крым к знакомым отец, т.к. и Костя тоже заболел туберкулёзом. Отец благословил его в «новую» жизнь и больше уже они не увиделись.

В Ялте он в больнице работал санитаром за еду. А с 1928 года учился в Нежинском пединституте, вечерами работая на стройке. В стране был голод. Такой ритм жизни и скудное питание не могли не сказаться на его здоровье, и снова заболели лёгкие. К тому времени у него уже была семья и чувство ответственности за её судьбу. По направлению ОблОНО он работал директором фабрично-заводской семилетки ФЗО, в 1936 году его перевели в

Скадовский район в с. Большая Андроновка в Крыму. Здесь и застала его война. Когда рано утром объездчик постучал к ним в окно и объявил о начале войны, Костя бросился в сельсовет, где ему приказали собрать семью с минимумом одежды и продуктов и вывезти подвоём до станции ещё несколько семей. Враг наступал стремительно. Ему удалось довести до эшелона жену с двумя сыновьями и ещё две семьи работников райкома. Семья уехала в неизвестном направлении в тыл, а он и ещё несколько человек ушли в ополчение. Абсолютно непригодный для военной службы по состоянию здоровья, он под Мелитополем был принят в 31-й сапёрный полк. Бои были жестокие. Фашисты, ворвавшиеся в Скадовск и близлежащие сёла, лютовали. Все оставшиеся в живых учителя, партработники и их семьи были повешены или расстреляны. Не пощадили и детей! Ненависть к врагу росла с каждой минутой.

В марте 1942 года Константин был направлен в Гомельское пехотное училище, которое находилось в тылу, в Ташкентском военном округе. Там он обучал курсантов сапёрному делу и отправлял их на фронт, который остро нуждался в подготовленном пополнении. И всякий раз он сильно молил Господа

о сохранении жизни этих юных солдат. Здесь в училище ему присвоили звание лейтенанта. Вскоре он уехал на передовую с очередным пополнением — молодыми курсантами. После ранения началась открытая форма туберкулёза и его отправили военным эшелоном с ранеными в Петропавловск. При каждой возможности он писал письма-треугольники жене, родным и знакомым, оставляя их на каждой станции.

А жена и два сына, 10-ти и 3-х лет? Что с ними? Они влились в длинный поток беженцев в сторону ж/д станции города Скадовска. Шли пешком, уставали, иногда детей усаживали на подводы. Костя-младший шёл пешком за подводой, на которой сидела мама с малышом на руках. Была тёмная ночь, подводы шли в несколько рядов. Костя плёлся сонный, держась за бортик своей подводды. Но, видимо, задремал, отпустил свою подводду и ухватился за другую. На расвете понял, что идёт с чужими людьми и сильно испугался! «Я потерял маму!» Побежал вперёд, бегая от подводды к подводде и думал, что он виноват, что теперь некому будет помогать маме... И вдруг услышал отчаянный материнский крик: «Котя! Котик, Где же ты?» Он побежал, далеко впереди между подводдами металась

мама с малышом на руках... Наконец, нашли друг друга! «Слава тебе Господи! Ты вернул мне моего сына!», — шептали её пересохшие губы. А за ними «по пятам» шли фашисты, грохотали взрывы. Как-то они добрались до станции. Их там спешно погрузили в товарняки и отправили в степь в сторону Сталинграда. По дороге тоже натерпелись. На кратких остановках мама успевала на двух камешках разжечь костерок из хвороста и в котелке сварить мучную похлёбку — «затирку», чтобы накормить детей и старенькую учительницу — еврейку Хазину. На станциях стояли столы и лавки перед зданиями вокзала под навесами, на которых люди оставляли свои письма, почтовые открытки, солдатские треугольники. И все мчались к заветным столам в надежде найти от своих родных и близких, хоть несколько строк! Так мама нашла письмо своего Костика, здесь под Сталинградом, и узнала, что он находится в госпитале в Петропавловске. И решила добираться туда. Но на восток шли только военные эшелоны с ранеными. Гражданских не брали. А у мамы уже закончились продукты, деньги, всё, что могли поменять, поменяли, а узелок с детскими вещами украли. Она была в отчаянии, где найти помощь в дороге? Как сохранить детей? Глубокой ночью прибыл ещё один эшелон с ранеными. Она стала кидаться от вагона к вагону к проводникам, умоляя взять её с детьми, но никто не слышал и не обращал на неё и детей внимания. Мама в отчаянии бросилась с детьми на рельсы перед поездом и взмолилась: «Господи, если так надо, то пусть мы здесь и погибнем. Нам некуда идти! Ни еды, ни одежды, ни сил!» И вдруг из вагона выпрыгнул на платформу седой офицер с перебинтованной головой, оттолкнул проводника и кинулся к ним со словами: «Может и моя жена с детьми так скитается и молит о помощи!», подхватил на руки Славу, за руку Костю и все вместе побежали к вагону. Поезд уже трогался. Он на ходу закинул детей и маму в тамбур, сам едва не попал под колёса. Мама сидела в уголке тамбура с ребятами и ещё не совсем понимала, что они спасены. Им раненые стали носить кипяток, а потом сдвинулись в одном купе и приютили семью рядом с собой.

(Продолжение
в следующем номере)

Ирина Островская

